

Г. И. ЛАВРЕНТЬЕВ (Глазов)

ГАРМОНИЯ ГЛАСНЫХ В ВОЛЖСКОМ ГОВОРЕ МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА

Характерной особенностью марийского языка является гармония гласных, представляющая собой частный случай более общего закона прогрессивной ассимиляции звуков. Многие исследователи марийского языка отмечали существование в нем дистактной ассимиляции суффиксальных гласных корневым.¹ Однако проявление этой закономерности в диалектах, в частности в волжском говоре, изучено недостаточно.

Волжский говор марийского языка не однороден. Прежде всего это относится к составу гласных фонем и связанной с ним гармонии гласных. Общими для всей территории распространения говора являются следующие девять гласных: *i, ü, u, e, ö, o, a, ä, u*. В Красноярском, Исменецком и Сидельниковском сельсоветах Звениговского района встречается десятый гласный — *ɯ*. Редуцированные *u, ä, ɯ* — могут служить для семантического различения слов.

На основе наблюдений в волжском говоре можно различить три стороны проявления палатального и лабиального сингармонизма гласных: в о-первых, уподобление безударных гласных конца слова ударному огубленному гласному слова; во-вторых, гармонию, состоящую в том, что за огубленными переднерядными гласными *ö, ü, ɯ* в аффиксах выступает огубленный гласный *ö*; в-третьих, ассимиляцию всех редуцированных гласных слова лабиализованному редуцированному гласному первого слога, как ударного, так и безударного.

I. Первый аспект сингармонизма гласных связан с ударением. Он выражается в следующем: 1) за ударными огубленными заднерядными гласными полного и неполного образования *o, u, ɯ* в абсолютном исходе слова выступает огубленное *o* (*u-lo* 'есть', *šo-ŋgo* 'старый', *ku-štäčö* 'плясун', *ku-ɣo* 'большой', *apu-nžo* 'его овин'); 2) за ударными лабиализованными гласными переднего ряда *ö, ü, ɯ* в исходном открытом слоге слова произносится лабиализованное *ö* (*köršö-kšö* 'его горшок', *kö-rɣö* 'нутро', *šü-kšö* 'гнилой', *jü-ɣäštö* 'холодно', *kɲ-rtüö* 'железо'). Если же в слове ударным гласным выступает один из неогубленных

¹ О гармонии гласных в марийском языке см.: М. Веске, Исследования о наречиях черемисского языка, Казань 1889, стр. 10—17, 20; В. М. Васильев, Записки по грамматике народа мари, Казань 1918, стр. 8; Н. Т. Пенгитов, К вопросу о звуковом составе современного марийского языка. — Ученые записки МарНИИ, вып. 1, Йошкар-Ола 1948, стр. 61—64; Л. П. Грузов, Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении, Йошкар-Ола 1965, стр. 140—147; его же, Видоизменение (модификация) фонем марийского языка. — Ученые записки МарНИИ, вып. 10, Йошкар-Ола 1957, стр. 147—157.

a, *ä*, *i*, *e*, то слово оканчивается гласным *e* (*solke-mže* 'его плаха', *šə-ŋərc'äčkše* 'его скворец', *su_vrma-nče* 'рысь', *pəɣe-ŋe* 'щенок', *lüβa-lne* 'внизу, под', *sarsi-že* 'его воробей', *jaβala-že* 'его вещи', *tumeɣe-le* 'желудь').

Уподобление гласных абсолютного конца слова ударным гласным его привело к образованию трех разновидностей словоизменительных и словообразовательных суффиксов с конечными гласными *o*, *ö*, *e*. Оно реализуется: 1) в именах существительных на *-če*, *-čo*, *-čö*, *-še*, *-šo*, *-šö*, *-že*, *-žo*, *-žö*; *-(ä)šte*, *-(ä)što*, *-(ä)štö*; *-(ä)ške*, *-(ä)ško*, *-(ä)škö* (*käsla-če* 'гусляр', *šp_v-ryŋžö* 'его лицо', *šü-mäštö* 'в сердце'); 2) в именах прилагательных на *-le*, *-lo*, *-lö*, *-se*, *-so*, *-sö*, *-däme*, *-täme* (*če-sle* 'красивый', *tu_v-tlo* 'вкусный', *ju_v-du_v-mso* 'ночной', *pü-dämö* 'беззубый'); 3) в именах числительных на *-ämše*, *-ämšo*, *-ämšö*, *-šo*, *-še* (*i-kämše* 'первый', *ko-kämšo* 'второй', *ku_v-mšo* 'третий', *šü-dämšö* 'сотый'; *i-kte* 'один', *ko-kto* 'два', *ku_v-mu_v-to* 'три'); 4) в глаголах — произношение конечных гласных неодносложных глаголов 2-го лица единственного числа II спряжения в повелительном наклонении подсказывается гармонией гласных (*to-čo* 'старайся', *süsa-re* 'отстегни'); в причастиях на *-še*, *-šo*, *-šö*, *-me*, *-mo*, *-mö*, *-däme*, *-täme* (*o-läšo* 'говорящий, говоривший', *či-me* 'одеваемый, одетый', *ma-lädäme* 'неспящий, неспавший'); 5) в наречиях, состоящих из окаменелых суффиксов древнего местного и направительного падежей (*o-nčälno* 'вперед', *ö-rdäštö* 'в стороне').

Однако есть суффиксы с безударным конечным гласным, которые не подчиняются сингармонизму гласных. К ним относятся суффиксы с конечным гласным *a*. К безударным суффиксам, вызвавшим нарушение дистактной ассимиляции суффиксальных гласных корневым, в первую очередь относятся: 1) суффикс *-la*, образующий сравнительный падеж (*ko-läškäla* 'как мертвый', *noɣa-la* 'по-детски', *kačaka-la* 'по-козлиному' *ku_v-ru_v-kla* 'как гора'); 2) суффикс *-ta* ~ *-da* 2-го лица множественного числа повелительного наклонения глаголов (*lu-tta* 'читайте', *ü-žda* 'зовите', *ö-rda* 'удивляйтесь'); 3) суффиксы *-na*, *-ta* ~ *-da* 1-го и 2-го лица множественного числа I и II прошедшего времени глаголов (*to-lna* '(мы) пришли', *βo-žäšta* '(вы) писали', *mu_v-re-nna* '(мы) пели', *müɣre-nda* '(вы) шумели'); 4) суффикс *-la*, выражающий неопределенное направление действия (*a-βäläškäla* 'в сторону деревни', *ju_v-lu_v-šku_v-la* 'по направлению к Волге').

К несингармоническим следует отнести и суффиксы, в которых конечное *a* бывает то ударным, то безударным, т. е. ударение колеблется: 1) конечный гласный в суффиксе деепричастия на *-šäla* (*ku_v-ču_v-šu_v-la* 'держа, в момент держания', *tolšäla* 'идучи'); 2) конечный гласный суффикса инфинитива долженствования *-mäla* (*βidämäla* 'нужно водить, вести', *tolmäla* 'нужно приходить, прийти'); 3) гласный притяжательных суффиксов *-na*, *-ta* ~ *-da* ~ *-da* (*ku_v-ru_v-kna* 'наша гора', *ku_v-ru_v-kta* 'ваша гора'); 4) конечный гласный суффикса наречия цели на *-mäla* (*nalmäla* 'чтобы купить, взять, брать').

Причину отклонения безударного конечного *a* от гармонии гласных следует объяснить качеством самого гласного: *a* в марийском языке — самый широкий открытый гласный. Узкие и полуузкие гласные в безударном конце слова легко подвергаются лабиализации. Фонема же *a*

для сохранения своего качества довольствуется и безударным концом слова.

Способностью уподобления ударному гласному обладают и безударные гласные русских заимствований, в которых по орфоэпической норме русского языка наблюдается редукция: *mu-ško* 'мушка', *ša-ške* 'шашки. шашка', *pala-tke* 'палатка', *ko-jko* 'койка', *pu-ško* 'пушка'. Как видно, русские слова преобразовывались в соответствии с фонологической системой марийского языка, и их следует считать полностью ассимилированными заимствованиями.

Односложные и многосложные заимствования, состоящие или только из огубленных, или только из неогубленных гласных, при словообразовании и словоизменении оформляются суффиксами в зависимости от гармонии гласных: *ma-jāšte* 'в мае', *a-dressše* 'его адрес', *pa-rkāse* 'находящиеся в парке', *za-lže* 'его зал', *po-rtāsto* 'в порту', *bu-ntāško* 'в бунт'.

В многосложных заимствованных словах, содержащих наряду с огубленными неогубленные гласные, лабиальная гармония конечного и ударного гласных может нарушаться: гласный абсолютного исхода слова зависит от гласного последнего слога корня. Этот гласный русских и иноязычных заимствований может быть как ударным, так и безударным: *teleβ'i-zorāsto* 'в телевизоре', *te-χnikumāsto* 'в техникуме', *ra-d'ioško* 'в радио', *arbu-zāsto* 'в арбузе', *ju-rināse* 'юринский', *kolo-ñište* 'в колонии', *reβolu-cište* 'в революции', *anato-miže* 'его анатомия'.

Велика роль губного сингармонизма в историческом развитии слов как в области словосложения, так и в области словообразования. В марийском языке есть немало слов, которые с точки зрения современного состояния языка воспринимаются как простые, по существу же восходят к сложным словам, в которых в силу гармонии гласных отдельные компоненты срослись и происхождение их затемнено. Примером могут служить числительные — названия круглых десятков, в которых конечный гласный второй части преобразовался в соответствии с лабиальной гармонией: *ko-lo* 'двадцать', *ku-mlo* 'тридцать', *ni-lle* 'сорок', *βi-sle* 'пятьдесят', *ku-tlo* 'шестьдесят' (из *kok*, *ku-m*, *nil*, *βič*, *kut* и *lu* 'десять'). Слова *lo-mbo* 'черемуха', *lō-rpō* 'ольха' восходят к сложным словам, образованным из компонентов *lom*, *lol* (ср. коми *льбм*, удм. *льбм пу*, фин. *tuomi*, эст. (диал.) *toomrii*; ср. коми *лолпу*, удм. *лулпу*, морд. *лепе*, фин. *leppä*) и *pu* 'дерево' (ср. фин. *puu*). Происхождение этих слов в говоре скрыто настолько, что они зачастую употребляются со словом *pu* (*lo-mbo pu* 'черемуха, черемуховые дрова', *lō-rpō pu* 'ольха, ольховые дрова'), т. е. с тем словом, которое уже содержится в них.

Аналогично образовались *šerpe-nde*, *kūžyū-ndō* 'лепешка из пресного теста', *mūyū-ndō* 'коврижка, пряники' (из *še-re* 'пресный', *mū* 'мед', *kū-žpō* 'толстый' и *ki-nde* 'хлеб'). В *kūžyū-ndō* в результате явления гаплогонии выпал конечный слог первого компонента. В двух последних словах гласный *i* первого слога второго компонента полностью уподобился первому *ü*, а в *šerpe-nde* — первому *e*. Конечное *ō* объясняется также влиянием губной гармонии.

Известно, что некоторые суффиксы когда-то были самостоятельными словами. Так, притяжательные суффиксы 3-го лица единственного числа *-še*, *-šo*, *-šō*, *-že*, *-žo*, *-žō* возникли из первого слога указательного местоимения *se-de* 'этот'.² Видимо, первоначально местоимение *se* 'этот', образуя сложные слова, употреблялось со всеми словами, незави-

² И. С. Галкин, Историческая грамматика марийского языка. Морфология I, Йошкар-Ола 1964, стр. 77.

симо от гласных первого компонента. Гласный суффикса стал зависеть от ударного гласного слова. Вследствие этого и появились несколько видоизмененные в отношении гласного формы: *-še, -šo, -šö, -že, -žo, -žö*.

Другой пример — дееспричастие предшествующего действия, образовавшееся буквально у нас на глазах сращением имени действия на *-m* с суффиксом *-meke*, восходящим к наречию *mö-ŋgö* 'назад, обратно, после' (< *meŋge*)³: *š'örlmö-kö* 'упав, после того как упал (упали)', *lüt-mö-kö* 'испугавшись', *mu₁ru₂me-ke* 'попев, после того, как пел, пели'.

Итак, уподобление безударного конечного гласного ударному является весьма активным фонетическим законом говора. К тому же и орфографическая литературная норма о правописании конечных гласных, отражающая специфику, в частности, волжского говора, способствует еще более последовательному его проявлению. Правда, наблюдаются некоторые нарушения этого закона безударным конечным *a*, но они не выражают существенных особенностей говора.

II. В волжском говоре наблюдается гармония гласных, которая заключается в том, что за огубленными переднерядными *ö, ü, ŋ* в словообразовательных и словоизменительных суффиксах (вместо лит. *e*) выступает лабиализованный ударный *ö* (если между ними не стоит другой гласный), например, *pütrö-n* '(он) крутил', *ŋüžlö-n* '(он) шумел', *jörlmö-kšö* 'после того как он упал', *körpö-š* 'внутри', *möŋgö-š* 'обратно', *lüdö-š* 'боится', *külö-š* 'надо', *nöldö-n* '(он) поднял', *örö-βö* '(они) удивились', *pörβö-sö* 'первый' и т. д.

Аналогичное явление встречается в служебных словах, содержащих при отдельном употреблении гласный *e*: *mö-r₁δök* 'за земляникой', *kö-δön* 'с кем', *ni₁ö-δön* 'ни с кем', *ni₁ö-δöc* 'ни от кого', *ü-štä₁δönö* '(с) поясом, ремнем' и т. д.; в сложном слове *pörtö-nčäl* 'сени' (из *pört* 'дом' и *o-nčäl* 'перед').

Однако вряд ли можно считать подобные явления закономерностью: произношение *ö* вместо *e* факультативно. К тому же у жителей одного и того же селения засвидетельствовано различное произношение одного и того же слова.

III. Рассмотрим проявление губной гармонии, которое состоит в том, что гласными первого слога корня определяется характер последующих гласных неполного образования. Сущность его, основанного на прогрессивной ассимиляции редуцированных лабиализованных гласных, заключается в следующем: если в начальном слоге слова, как в ударном, так и в безударном, имеется один из редуцированных огубленных гласных *u₁, ŋ*, то гласные и последующих срединных слогов, если они сами по своей природе являются звуками редуцированными, непременно уподобляются ему, т. е. также становятся лабиализованными *u₁* или *ŋ*; если же в начальном слоге слова выступает один из гласных полного образования *a, i, e, u, ü, o, ö* или редуцированный *ä*, то гласными следующих срединных слогов, опять-таки если в составе последних имеются краткие гласные, будет нелабиализованный редуцированный *ä*. Действие этого закона проявляется в ряде случаев.

1. В корневых словах (*pu₁ldu₁r* 'сени', *ku₁štu₁ra* 'сор', *ŋ-δŋr* 'дочь; девушка', *a-zär* 'клещи', *i-sär* 'яловая').

³ И. С. Галкин, указ. раб., стр. 171—172.

2. Следующие словообразовательные суффиксы обуславливаются гласным первого слога: именные *-lāk* (*-lu₁k*, *-lɨk*): *tɨ·rlɨk* 'предназначенный для края', *šu·ldu₁rlu₁k* 'материал для крыла', *jo·rlālāk* 'нужда'; *-čāk* (*-ču₁k*): *ku·tu₁rču₁k* 'хвостун', *βo·štālčāk* 'насмешник, посмешище'; *-āž* (*-u₁ž*, *-ɨž*): *pɨ·rdɨž* 'стена', *pu·rɨu₁ž* 'сугроб', *ö·rdāž* 'бок'; *-āl* (*-ɨl*): *šɨ·βɨl* 'слина', *ü·lāl* 'низкий'; *-āš* (*-u₁š*, *-ɨš*): *u·rɨu₁š* 'шов', *pɨ·škɨš* 'отрезок', *ko·čāš* 'пища'; *-lāš* (*-tu₁š*, *-tɨš*): *pu·ru₁ldu₁š* 'огрызок', *pɨ·tɨrtɨš* 'сверток', *ko·kārtaš* 'кашель'; *-āk* (*-u₁k*): *ku·mdu₁k* 'ширина', *šü·lāk* 'грусть'. Глагольные *-āl* (*-u₁l*, *-ɨl*): *ju·štu₁rɨu₁la·š* 'рыхлеть', *βaštaltāla·š* 'обменивать'; *-āšt* (*-ɨšt*): *kɨrɨšta·š* 'отрывать', *nöldāšta·š* 'поднимать'; *-āld* (*-u₁ld*, *-ɨld*): *mu·šku₁lda·š* 'смыться', *pɨškɨlda·š* 'порезаться', *kerālda·š* 'наткнуться'; *-ākt* (*-u₁kt*, *-ɨkt*): *tɨlɨrɨkta·š* 'заставить угореть', *u₁du₁ru₁кта·š* 'заставить черкать'; *-ānc* (*-ɨnc*): *tɨrβɨncā·š* 'чихать'; *-dāme* (*-du₁mo*, *-dɨmö*): *pu·du₁rɨu₁du₁mo* 'неломающийся, несломанный'; *-māla* (*-mu₁la*): *lu·kmu₁la* 'нужно выносить, вынести', *βɨ·dɨmlɨla* 'нужно завертывать, завернуть', *šoɨ·l·māla* 'нужно пахать, вспахать'; *-šāla* (*-šu₁la*, *-šɨla*): *ku·čāšāla* 'поднимаясь', *ku·ču₁šu₁la* 'держа', *pü·rɨɨšɨla* 'брызгая, sprыскивая' и т. д.

3. Редуцированные гласные словоизменительных суффиксов зависят от гласного первого слога. Так, у глаголов всех лиц множественного числа настоящего-будущего времени, 1-го и 2-го лица единственного числа и 3-го лица множественного числа первого прошедшего времени, 2-го и 3-го лица множественного числа и 3-го лица единственного числа повелительного наклонения суффиксальный краткий гласный обуславливается гласным первого слога: *ludāna·* 'читаем, прочтем', *ludāda·* 'читаете, прочтете', *lu·dāt* 'читают, прочтут', *pu₁rlu₁na·* 'кусаем, укусим', *pu₁rlu₁da·* 'кусаете, укусите', *pu₁·rlu₁t* 'кусают, укусят'; *lu·dām* 'я (про)читал', *lu·dāč* 'ты (про)читал, они (про)читали', *šɨ·dɨrɨnɨšɨm* 'я волочился', *šɨ·dɨrɨnɨšɨč* 'ты волочился', *ju·mu₁ldu₁da* 'молитесь', *ju·mu₁ldu₁žan* 'пусть он молится', *ju·mu₁ldu₁štan* 'пусть они молятся'.

4. При суффиксальном словопроизводстве и словоизменении, сопровождающихся редукцией конечного гласного корня, последний произносится согласно лабиальной гармонии: *mu·nu₁lu₁k* 'яичник', *ke·lɨāt* 'глубина', *ko·rnāžo* 'его дорога', *tɨ·rβɨm* 'губу, губы', *mu·ru₁što* 'в песне', *mu·ru₁štu₁žo* 'в его песне', *ta·čāse* 'сегодняшний'.

5. Соединительные редуцированные гласные, нередко выступающие при словоизменении и словообразовании, также зависят от гласного начального слога: *te·rān* 'саней', *tu·pu₁n* 'спины', *ja·lāse* 'деревенский'.

Однако наблюдаются такие случаи, когда тому или иному огубленному редуцированному гласному первого слога уподобляются не все редуцированные гласные; например, в словах *tu₁pe·mām* 'мою спину', *tu₁že·čān* 'оттуда', *kɨrtā·nām* 'что-нибудь, содержащее железо', *šɨrta·nām* 'что-нибудь, содержащее нитку' за гласными *u₁*, *ɨ* первого слога вместо ожидаемого *u₁*, *ɨ* выступает *ä*. Это объясняется тем, что в слова вклиниваются суффиксы с гласными *a*, *e*, которые обладают способностью прерывать цепь ассимиляторного влияния предшествующих огубленных редуцированных на последующие краткие.

Редуцированный гласный служебных слов может ассимилироваться предшествующему лабиализованному краткому знаменательного слова. Это возможно потому, что самостоятельное слово со служебным словом, преимущественно односложным, представляет собой по звучанию тесно спаянное единство, например: *ku-p ku-ču-n* 'из болота', *βn-t knč* 'из воды', *u-lu-γu-n* 'если есть', *ku-mu-t ku-č* 'по три', *tn-r γnč* 'с краю', *lu-m-γu-n* 'если снег' и т. д.

В окрестностях Кужмары Звениговского района можно услышать: *kürčü-k* 'подушка', *küčü-zö* 'нищий', *kütü-k* 'короткий', *šüdü-r* 'звезда', *üškü-ž* 'бык', *kütü-mö* 'сырой, недоваренный', *mündür* 'далекий, даль', *müškü-r* 'брюхо, утроба', *kümü-ž* 'блюдо', *šübü-r* 'волынка'. В приведенных словах второй гласный *ü*, перетянувший ударение с первого слога на себя, произносится без редукации.

Подчас редуцированные гласные лабиализуются в том случае, если они стоят за огубленными гласными *o, u, ö, ü* и губными согласными *β, m, p*: *šo-βu-lčo* 'платок', *ko-mbu-la* 'как гусь', *ko-mu-m* 'кору', *to-l-mu-štu-m* 'их приход, приезд', *lü-tmñž dene* '(он) от испуга', *o-mu-što* 'во сне', *potu-žalde-š* 'просыпается', *nörö-pñm* 'погреб'. Комбинаторные изменения огласовки редуцированных гласных отчетливее выражаются в положении между окружающими губными согласными.

Итак, гармония редуцированных лабиализованных гласных первого и последующих слогов в волжском говоре держится прочно. Не расширяет ее и литературный язык, в котором нет лабиализованных редуцированных гласных. Упрочению губной гармонии в волжском говоре способствует влияние тюркских языков (татарского, чувашского), фонетическому строю которых свойственна губная гармония.⁴

Рассмотренные случаи нейтрализации оппозиций можно принять не только за лабиальную, но и за лингвальную нейтрализацию. Однако «... говорить о небном и губном притяжении как об отдельно действующих процессах нельзя, а следует иметь в виду единое небо-губное притяжение».⁵

Сфера проявления гармонии гласных по ряду, т. е. нейтрализации оппозиций по положению языка, в волжском говоре по сравнению с другими диалектными группами марийского языка уже. Можно говорить о соблюдении палатальной гармонии в волжских словах, имеющих в своем составе лишь огубленные гласные *u, u, o, ö, ü, ŋ*.⁶

Остальные гласные волжского говора *a, i, e, ä* находятся вне действия палатальной гармонии гласных: они наблюдаются после гласных как переднего, так и заднего ряда. Например, гласный смешанного ряда *a* и переднерядный *e* могут выступать после всех гласных: *pua-š* 'дать', *nu-la-š* 'лизать', *čünğala-š* 'жалить', *knrla-š* 'оторвать', *βia-kš* 'прямой', *čäla* 'весь', *šörtña-n* 'с золотом', *kolda-š* 'посылать', *ertara-š*

⁴ В. А. Богородицкий, Введение в татарское языкознание, Казань 1953, стр. 128; В. Г. Егоров, Современный чувашский литературный язык I, Чебоксары 1954, стр. 177—179; М. А. Черкасский, Тюркский вокализм и сингармонизм, Москва 1965; Ф. Г. Исхаков, Гармония гласных в тюркских языках. — Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков, Москва 1955, стр. 154—155.

⁵ Н. К. Дмитриев, Турецкий язык, Москва 1960, стр. 17.

⁶ В некоторых деревнях липшинского куста, в территориальном и административном отношении близкого волжскому говору, однако имевшего раньше тесную связь с носителями горного наречия, лингвальная нейтрализация оппозиций осуществляется более последовательно. Гармония гласных здесь в основном не отличается от гармонии гласных горного наречия.

'проводить', *šara-š* 'стелить', *šue-βe* '(они) бросили', *ku_v-že-č* 'откуда', *jüe-š* 'пьет', *tüñema-š* 'учиться', *kinde-m* 'мой хлеб', *känñle-š* 'встает', *örye-n* 'он бодал', *onče-m* 'смотрю', *kaje-m* 'иду', *e-re* 'чистый'. Правда, в некоторых селениях на берегу Волги непосредственно после гласных переднего ряда (особенно после *i, ü*) наблюдается *ä* (продвинутый вперед гласный среднего ряда нижнего подъема) как вариант фонемы *a*, например, *ilä-t* 'живут', *nüštála-š* 'высморкать нос', *püä-m* 'пруд'.

Гласный *ä*, нейтральный в гармонии, наблюдается после всех гласных первого слога, за исключением *u_v, ɲ*: *ö-rän* '(он) удивился', *ma-čäm* 'кошку', *ä-müñ* 'лошади', *su-täšto* 'на свету', *ko-rnäžo* 'его дорога', *kü-kšän* 'высоко', *i-kšäβe* 'дитя', *kečäβa-l* 'полдень'. В словах же с гласными *u_v, ɲ* фонема *ä* может выступать лишь при условии, если после *u_v, ɲ* идут гласные *a, e*: *tu_v-že-čän* 'оттуда', *βɲra-näm* 'что-нибудь, содержащее кровь (вин.)'.

Гармонии гласных не подчиняется *i*: он может выступать после гласных заднего и смешанного ряда. Однако количество примеров этого незначительно. Большинство из них — слова подражательного происхождения: *čälðäri-j* 'жеманный, игривый', *jälðäri-j* 'жеманный', *muñäri-j* 'неуклюжий', *jäβälði-k* 'поминай как звали', *pälðäri-j* 'ветренный, легкомысленный'. Кроме того, есть еще несколько слов: *mari-* 'мари, муж', *tu_v-ri-* 'жаворонок', *sarsi-* 'воробей', *kakši-* 'тощий', *kurika-* 'краюшка хлеба', *šañi-k* 'вилы', *kaji-k* 'птица', *añi-k* 'заборы'.

В суффиксах волжского говора наблюдаются следующие гласные: *u_v, ɲ, o, ö, e, a, ä*. При этом суффиксы, содержащие *e, a, ä*, употребляются в одном варианте, и поэтому присоединяются к корню как с переднерядными, так и с заднерядными и среднерядными гласными. Остальные гласные в зависимости от вокализма корня имеют соответствия по ряду: *o — ö, u_v — ɲ* (примеры см. выше).

Прогрессивная гармония гласных действует в пределах одноосновного слова. В сложных словах каждая из составляющих частей гармонирует отдельно: *βürko-rno* 'кровеносный сосуд' (*βür* 'кровь' и *ko-rno* 'дорога'), *ku_v-če* 'пасха' (*ku_v-yo* 'большой' и *ke-če* 'день'), *ošɲ-ðɲr* 'золотка, моложе старшей' (*o-šo* 'белый' и *ɲ-ðɲr* 'дочь, девушка'), *ončälɲe-če* 'позавчера' (*o-nčäl* 'передний' и *ke-če* 'день').

В связи с этим необходимо отметить, что к композитам с ломаной огласовкой присоединяются суффиксы в соответствии с вокализмом последнего компонента, за исключением суффиксов, содержащих нейтральные к гармонии *e, a, ä*.

Независимое поведение гласных волжского говора (да и всего лугового наречия) *e, a, ä* связано с существовавшей в древнемарийском языке палатальной гармонией, при учете которой исследователи могут выявить древнее качество огласовки марийских слов.⁷ В прамарийском языке в суффиксах передневокальных слов выступали переднерядные *ä, ə, a* к словам заднего вокализма присоединялись суффиксы с *a, ä*. Последовательно выдержанная палатальная гармония, имеющая в основном древнемарийский облик, засвидетельствована в северо-запад-

⁷ Л. П. Грузов, Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении, стр. 141—142.

ном и горном наречиях, которые в наименьшей степени отошли от древнемарийского фонетического состояния.⁸ В луговом же наречии *a* и *ä*, *ɔ* и *ə* совпали в одном звуке — *a*, *ɔ*. Следовательно, за нейтральностью гласных *a* и *ɔ* волжского говора к палатальной гармонии скрывается участие в явлении сингармонизма разных по своему качеству древнемарийских гласных *a* и *ä*, *ɔ* и *ə*.

Данные волжского говора и других изученных до этого диалектных групп не позволяют сказать что-либо определенное о причинах неповиновения фонемы *e* гармонии гласных. Утверждать о былом существовании в древнемарийском языке двух разных фонем *e* (переднего и отодвинутого назад) у нас нет оснований, так как в диалектах марийского языка пока еще засвидетельствована фонема *e* лишь одного качества. Поэтому представляется возможным решать этот вопрос лишь гипотетически. В более древнюю эпоху, вероятно, было два позиционных оттенка фонемы *e*: после гласных переднего ряда, возможно, выступал продвинутый вперед *e*, а после заднерядных гласных — оттянутый назад *e*.⁹ В современном же марийском языке второй позиционный оттенок гласного *e* совпал с первым, и звук *e* воспринимается нами сейчас в качестве гласного переднего ряда.

Из-за немногочисленности примеров и недостаточной ценности тех лексических групп, в которых встречается гласный *i* непервых слогов, не участвующий в гармонии, возможно, правильным будет предположение, что фонема *i* в приведенных выше задневокальных волжских словах не восходит к более древнему периоду.¹⁰ После гласных заднего ряда гласный *i* появился в марийском языке главным образом в лексических заимствованиях из русского языка и в подражательных словах, которые для истории языка в основном не представляют большой ценности. Однако можно допустить и другое предположение о том, что гласный *i* в более древнюю эпоху вообще не участвовал в гармонии. Кстати, некоторые тюркологи предполагали, что гласный *i* первоначально действительно был нейтральным к гармонии гласных.¹¹

Из вышеизложенного следует, что палатальная гармония, наиболее последовательно и полно выступавшая в древнемарийском языке, в волжском говоре начинает утрачивать свою силу. Можно привести немало моментов, расшатывающих гармонию гласных. Причиной ослабления гармонии гласных по ряду в марийском языке следует считать в первую очередь изменение вокализма древнемарийского языка в поздний период, выражавшееся, в частности, в совпадении фонем разного качества в одной фонеме ($\ddot{a} \rightarrow a \leftarrow a$, $\ddot{o} \rightarrow \ddot{a} \leftarrow \ddot{a}$). Вторым важнейшим событием, которое привело к некоторому нарушению гармонии гласных, послужило изменение первоначальной системы ударения, обусловлен-

⁸ И. Г. Иванов, Фонетика тоншаевского говора. Автореф. канд. дисс., Тарту 1965; Л. П. Грузов, Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении, стр. 140—142.

⁹ Наше мнение совпадает с мнением Л. П. Грузова; см. Л. П. Грузов, Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении, стр. 142.

¹⁰ К тому же установлено, что в основе производного слова далее первого слога в финно-угорском языке-основе выступали только *a*—*ä* и индифферентное к гармонии гласных *e*; см. P. Ravila, Über die Entstehung des tscheremissischen Konjugationssystems. — FUF XXV 1938, стр. 24; E. Itkonen, Zur Frage nach der Entwicklung des Vokalismus der ersten Silbe in den finnisch-ugrischen Sprachen, insbesondere im Mordwinischen. — FUF XXIX 1946.

¹¹ G. J. Ramstedt, Einführung in die altaische Sprachwissenschaft I. Lautlehre, Helsinki 1957, стр. 183.

ное интенсивным воздействием тюркских языков.¹² Образование композитов с ломаной огласовкой при помощи слияния двух или более уже имеющихся основ — основы с гласными переднего ряда и основы с гласными заднего ряда — исподволь также привело к некоторой деградации палатальной гармонии в основных говорах марийского языка. В сглаживании гармонии определенная роль, несомненно, принадлежит имевшимся или выработавшимся в сравнительно позднее время нейтральным гласным *e, i*. И, наконец, многочисленные лексические заимствования из русского языка способствовали расшатыванию палатальной гармонии гласных. Правда, обнаруживается немало слов, давно перешедших из русского языка в волжский говор, в которых можно констатировать подчинение их гласных закону палатальной гармонии. В наше время из русского языка переходят в марийский язык слова в русском произношении, не подчиняясь закону гармонии гласных по ряду.

В волжском говоре отмечается своеобразное сочетание палатальной и лабиальной гармонии гласных. Применительно к этому говору гармония гласных может быть определена как фонетическое явление, состоящее в том, что характер гласных последующих слогов слова регламентируется или качеством огласовки гласного начального слога слова, или качеством ударного гласного корня.

Однако следует подчеркнуть, что в волжском говоре наиболее развита лабиальная гармония, которая из родственных языков представлена также в венгерском.¹³ Д. В. Бубрих в диалектах удмуртского языка отмечает явление, сходное с гармонией по огубленности.¹⁴ Нечто подобное находит В. И. Лыткин в диалектах коми языка.¹⁵ В большинстве же диалектов марийского языка губной гармонии, однотипной с губным притяжением почти всех тюркских языков¹⁶, не засвидетельствовано. Поэтому представляется возможным утверждать, что лабиальная гармония выработалась в диалектах марийского, венгерского и пермских языков после распада финно-угорского языка-основы. Возникновению и становлению лабиальной гармонии гласных в диалектах марийского языка (по крайней мере прогрессивной ассимиляции редуцированных лабиализованных гласных), несомненно, способствовали тюркские языки волго-камского бассейна.¹⁷ Если принять во

¹² По Э. Итконену, ударение в финно-угорском языке-основе падало на первый слог и подобное ударение действовало в волжско-финский период; см. E. Itkonen, Zur Frage nach der Entwicklung des Vokalismus der ersten Silbe in den finnisch-ugrischen Sprachen, стр. 239; E. Itkonen, Über die Betonungsverhältnisse in den finnisch-ugrischen Sprachen. — ALHung. V 1955, стр. 21—34. В древнемарийском языке ударение, вероятно, приближалось к финно-угорскому; см. Л. П. Грузов, Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении, стр. 125; E. Itkonen, Beobachtungen über die Entwicklung des tscheremissischen Konjugationssystems. — MSFOU 125 1962, стр. 100. Правда, В. И. Лыткин выдвинул новое предположение, что в языке не могло не быть никакого фиксирования ударения, т. е. в языке-основе ударение могло перемещаться; см. В. И. Лыткин, Исторический вокализм пермских языков, Москва 1964, стр. 235.

¹³ К. Е. Майтинская, Венгерский язык I. Введение. Фонетика. Морфология, Москва 1955, стр. 64.

¹⁴ Д. В. Бубрих, Историческая фонетика удмуртского языка, Ижевск 1948, стр. 66; Г. А. Архипов, Бесермянское наречие удмуртского языка. — Собрание по вопросам диалектологии финно-угорских языков. Тезисы докладов, Тарту 1958, стр. 9.

¹⁵ В. И. Лыткин, Коми-язвинский диалект, Москва 1961, стр. 32—33.

¹⁶ Ф. Г. Исхаков, указ. раб., стр. 154—155; М. Рясянен, Материалы по исторической фонетике тюркских языков, Москва 1955, стр. 86—95.

¹⁷ Наша точка зрения в основных своих чертах не отличается от мнений И. Синней, Э. Беке и Л. П. Грузова; см. J. Szinyei, Labialis illeszkedés a cseremiszi nyelvben. — NyK XXIV 1894, стр. 151; O. Beke, Cseremiszi nyelvtan, Budapest 1911, стр. 362; Л. П. Грузов, Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении, стр. 146.

внимание, что начало тюрко-марийских языковых контактов датируется VII веком¹⁸, то мы вправе утверждать, что лабиальная гармония в отдельных диалектах марийского языка выработалась не ранее начала VII века. Очевидно, ассимиляция редуцированных лабиализованных гласных прежде всего появилась в заимствованных из тюркских языков словах. В дальнейшем развитии волжского говора марийского языка редуцированные огубленные и связанная с ними губная гармония стали выступать и в словах финно-угорского пласта. Освоение огубленных редуцированных гласных и губной гармонии тюркских языков марийским коснулось лишь отдельных диалектов. Так, волжский, йошкар-олинский говоры лугового наречия, северо-западное и горное наречия марийского языка и некоторые другие переняли лабиализованные редуцированные гласные и лабиальную гармонию тюркских языков, а моркинско-сернурский говор, составляющий основную часть лугового наречия, и восточное наречие марийского языка при заимствовании тюркских слов субституировали огубленные редуцированные гласные тюркских языков соответствующими лабиализованными узкими гласными *и* и *й*. В горном наречии огубленные редуцированные развились в сторону окончательной делабиализации (*и* > *э*, *й* > *э*) и совпали с существующими в нем редуцированными нелабиализованными гласными *э* и *э*. Это привело к окончательному разрушению ассимиляции редуцированных лабиализованных гласных в горном наречии. Делабиализация *и* > *э*, *й* > *э* в горном наречии происходила не без влияния чувашских диалектов, в которых также состоялось разогубление.¹⁹ К мысли о приоритете тюркского начала в развитии лабиальной гармонии в марийском языке склоняет нас и точка зрения некоторых исследователей о возникновении редуцированных огубленных гласных в марийских диалектах под влиянием тюркских языков.²⁰

Выработанная на почве древнемарийского языка общемарийская палатальная гармония в сравнительно позднюю эпоху усложнилась лабиальной гармонией, заимствованной некоторыми диалектными группами из тюркских языков. Таким образом, гармонии гласных по ряду и по огубленности в марийском языке возникли в разное время, напластовались одна на другую.

¹⁸ Н. Раasonen, Die finnisch-ugrischen s-laute (= MSFOu XLI), Helsinki 1913, стр. 119—120.

¹⁹ В. Г. Егоров, указ. раб., стр. 164—165; Т. Я. Чуркин, Из наблюдений над чувашскими говорами Сундырского района Чувашской АССР. — Тюркологические исследования, Москва—Ленинград 1963, стр. 154; Л. П. Сергеев, Из наблюдений над ибрийкинским говором чувашского языка. — Материалы по чувашской диалектологии, Чебоксары 1963, стр. 162; А. С. Канюкова, Некоторые особенности диалектов чувашей тури и анатри. — Материалы по чувашской диалектологии, Чебоксары 1960, стр. 87.

²⁰ Д. Е. Казанцев, Гласные фонемы *и* и *й* в йошкар-олинском говоре марийского языка. — Вопросы финно-угорского языкознания, Москва—Ленинград 1964, стр. 34—43; Д. Е. Казанцев, Редуцированные гласные в йошкар-олинском говоре марийского языка. — Вопросы диалектологии и истории марийского языка, Йошкар-Ола 1964, стр. 43—44, 52—53, 59—60.

G. I. LAVRENTJEV (Glazov)

VOWEL HARMONY IN THE VOLGA DIALECT OF THE MARI LANGUAGE

We distinguish the following types of vowel harmony in the Volga dialect of the Mari language:

(1) Stressed rounded final back vowels *o*, *u*, *u* are followed by *o*; the stressed labial front vowels *ö*, *ü*, *ü* — by *ö*, the stressed unrounded vowels *a*, *ä*, *i*, *e* — by *e* (*u*.*lo* 'is', *po*.*žäšto* 'in the root', *kn*.*rtüö* 'iron', *kör*.*šö-kšö* 'his pot', *pä*.*ye-nie* 'puppy', *su*.*rma-nče* 'lynx').

However, we cannot apply this rule to the unstressed final *a* in suffixes (*hö*.*ya-la* 'like a child', *kora*.*nda* 'move away', *to*.*lna* 'we came').

(2) In suffixes we find *ö* instead of *e* after the rounded vowels *ö*, *ü*, *ü* if there is no other sound between them (*pü*.*rö-n* 'turned', *pü*.*žlö-n* 'made a noise', *mö*.*ngö-š* 'back'). However, such pronunciations occur rather seldom.

(3) After the reduced vowels *u*, *ü* of the first syllable we find *u*, *ü*; after the vowels of the first syllable *a*, *i*, *e*, *u*, *ü*, *o*, *ö* and *ä* there occurs *ä* (*pu*.*ldu*.*r* 'passage', *š*.*ü*.*β*.*ü* 'saliva', *p*.*ü*.*š*.*k*.*ü*.*lda-š* 'to cut', *ko*.*č*.*ä*.*š* 'meal', *ö*.*r*.*d*.*ä*.*š* 'side', *ker*.*ä*.*lda-š* 'run against', *ü*.*ä*.*l* 'low').

Thus, in the Volga dialect we find peculiar combinations of palatal and labial vowel harmony. Based on the ancient Mari language, the palatal harmony of the Mari language later became complicated by labial harmony. This labial harmony was borrowed by some dialectal groups from the Turkic languages.

Предмет настоящего исследования — удмуртский язык XVI—XVII вв. Основное значение имеет рассмотрение различных явлений (самостоятельно или в сочетании с другими) «архаизму» или этих явлений в отношении к архаизмам времени регистрации разграниченных языков. Мысли на этот счет нас разделяют лишь четыре-пять столетий.

Личные имена в их форме распространены огромными массами почти во всем периоде общества, истории его культуры. Изучение истории личных имен имеет также важное отношение к проблеме взаимоотношения этой последней с народом.

Удмуртская этнолингвистика — область, недостаточно исследованная даже из отстоящих разделов удмуртского языковедения. Можно назвать здесь небольшие работы Н. Васильева¹ и Кузубай Герда², а особенно посвященные дохристианскому (языковедческим) личным именам.

Антропонимистика последних десятилетий также в трудах М. Николая, Г. Березина, В. Архипова, Т. Борисова, А. Сидорова, П. Н. Жукова и других. В последние годы выразились темы удмуртских личных имен антропонимистов³. Архивы.

¹ Удмурты в XV—XVII вв. Доклады на симпозиум Удмуртия XV—XVII вв. Ижевск 1959 (в издании: Удмуртия).

² Н. Васильев. Антропология языка удмуртов. — Известия по изучению Поволжского края. Самара 1947, стр. 27.

³ К. Герд. Вопросы удмуртского языка. — Казань 1926, № 17, стр. 17—21.

⁴ М. П. Ветке. Славянские языки культуры этнолингвистика по личным именам. Казань 1890, стр. 1—3 (Приложение). Г. Березин. Очерки этнолингвистики удмуртов. Вятка 1895, стр. 19—35. В. Манжула. Volkstümliche und Volkswortliche der Wolgaer Nishnaja 1952, стр. 519—521; Т. А. Борисов. Удмуртско-русский словарь. Ижевск 1952, стр. 368—373 (Приложение); А. Сидоров. Языковедческие вопросы. — Календарь Вятской губернии на 1895 год. Вятка 1895, стр. 223; П. Н. Жуков. Христианство у удмуртов в первой половине XIX в. Вятка 1911, стр. 134 и др.

⁵ Г. А. Архипов. Удмуртское общество. — Тезисы докладов и сообщения в Всероссийской конференции по вопросам финно-угорского языковедения. Екатеринбург 1963, стр. 50—52; его же. Мар-удмуртское языковедение. М.: Наука, 1968, № 7, стр. 62—64.